

Роман Воликов
Старуха Шапокляк

Роман Воликов Старуха Шапокляк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394946

ISBN 9785449097750

Аннотация

Что за слова? В чём их двойная сила? Чего бояться смертным?
Мы все во власти случая, предвидениям чужды. Жить следует
беспечно – кто как сможет... (Софокл)

Старуха Шапокляк

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2018

ISBN 978-5-4490-9775-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сморчок этот Клим. Костюмчик от Версаче нацепил, часы от Тиффани, а один чёрт – хмырь, рожа портновская через все ухищрения стилистов пробивается, давно ли с голым задом по Челябинску бегал, в кожаной курточке и с фингалом под глазом. Кооператор, мать твою, женским бельём на «зелёном» рынке торговал. Так бы всю жизнь под бандитами просидел, бляял про рыночную экономику и свободу слова, а то и тайгу подметать спровадили бы, делишки у него мутные крутились, точно знаю, я тогда в налоговой старшим инспектором отдела камеральных проверок работал. Вот судьба перевёрщица, быть Климу Сидоренко дурак дураком, если бы не баба его.

Чудные тогда, конечно, были времена – девяностые. Люди из такого гавнища вылезали, сейчас и представить невозможно. Говорили, он эту тётю московскую в Сочи подцепил. Что она, правда, в Сочи делала, неизвестно, такие кра-

ли больше по Мальдивам и Бали рассекают. Хотя дела служебные, наверное, летала на доклад к высокому руководству, чего и как там у нас с деньжатами на фоне общемирового экономического кризиса. Начальник управления Центрального Банка, на восемнадцать лет старше Клим, боже, какой пустяк для понимающего человека, но ухоженная, врать не буду, я её фото видел, рожа высокомерная, хоть сразу в элитном магазине вместо манекена выставляй. Где они там в Сочи зачпонькались, убей бог, не понимаю, дешёвые кабаки, в которых Клим свои честно сворованные копеечки просирал, подобные мадамы по определению не посещают, но факт остаётся фактом. Был в девяносто пятом году нищий челябинский кооператор Клим Сидоренко, а стал спустя двадцать лет московский денди, руководитель департамента администрации президента. Сколько же его жене сейчас лет? Мать честная, Климу полтинник, а ей, соответственно, под семьдесят. То-то у него в приёмной секретарша вся такая рассисястая, где ещё разговляться, как не на работе.

Битый час, между прочим, на диванчике сижу, козёл этот Клим, мог бы перед земляком и не выебываться. Ладно, Христос терпел и нам велел.

– Владимир Петрович Овчинников, – секретарша смотрит на меня ласковым взглядом молодой кобылицы. – Клим Александрович готов вас принять.

Ну, спасибо, родной, облагодетельствовал наконец.

– Здорово, Володя! – Клим энергичным движением вы-

скакивает из-за массивного стола и пожимает руку. – Давно не виделись.

– Давно, – говорю я. – Последний раз, кажется, в двухтысячном.

– Да, в самолёте в Москву. Ты ещё всех в бизнес-классе коньяком угощал, тебя только назначили на должность зам-начальника городской налоговой.

– А ты, по-моему, тогда заканчивал академию госслужбы. Как время летит.

– Увы. Арбуз растёт, а хвостик вянет. Ты, наверное, уже дед?

– Пока нет, – говорю я (подлец, можно подумать, что он не изучил дотошно моё личное дело). – Дочка о таких планах ничего не сообщала. Год назад замуж вышла, живёт в Питере. Да и мне, пожалуй, рановато в пятьдесят четыре года дедом становиться. Я в себя в старики записывать не собираюсь.

– Это правильно, – лицо Клима мгновенно преобразается в маску функционера. – Много дел впереди, Володя. Подразвалили страну коммерсанты на пару с бандюками. Но ничего, сейчас время собирать камни, – Клим бросает на меня быстрый взгляд.

Я едва сдерживаю улыбку. Чья бы корова мычала, ну, да ладно, не стоит ворошить тёмное прошлое нынешних звёзд балета:

– Я с губернатором давно в одной упряжке, с тех времен,

когда он должность мэра города занимал. Так что готов трудиться на новом посту не покладая рук.

– Не сомневаюсь, – Клим усаживается в кресло под портретом президента. – Губернатор, собственно, и написал представление о назначении тебя первым замом вместо ушедшего в Минтоп Кондакова. Кофеёчку?

– Не откажусь.

– Скажу тебе откровенно, – Клим смотрит на меня умильным взглядом удава, готового проглотить кролика. – У Кондакова с губернатором в последнее время трения были. Власть она, знаешь, пробуждает иногда ненужные эмоции. Посоветовались мы тут в узком кругу и решили рекомендовать Николая Семёновича в Москву в министерство. Человек он толковый, хоть и характер у него неуживчивый. И столице свежая провинциальная кровь не мешает. А у тебя, Володя, репутация чиновника взвешенного, рассудительного, и карьерный рост замечательный, прямо как в советские времена, от рядового налогового инспектора до начальника областной инспекции. Редко у кого в наше время такая безупречная биография.

Я молча пью кофе. Куда клонит, гад, не очень улавливаю.

– В общем, смотри. Представление о твоём назначении большую часть инстанций прошло. Я подталкиваю по мере возможности, но, сам понимаешь, бюрократический механизм никто не отменил. Думаю, что недели полторы на окончательное согласование понадобится. Ты где остановился?

– Нигде, – говорю я. – Прямо из аэропорта приехал. Я человек дисциплинированный.

– Тогда предлагаю вот что, – у Клима опять выражение лица гостеприимного земляка. – Нечего тебе в Челябинск туда-сюда летать, пока назначение утверждается. В ближайшем Подмосковье есть симпатичный пансионат, наш, управляемый президентом. Скромненький, даже совковатый, но всё необходимое для отдыха в наличии, номер комфортный, банька, шашлычок, воздух чистый, снежок белый, сосны прямо на территории растут, и главное, всего полчаса езды от Москвы. Платить не надо, у нас там свои домики по линии спецфонда. Будем считать, что это незапланированный отпуск. Отдохнёшь перед большими делами, я тебя в один из вечеров с серьёзными людьми познакомлю. Новый уровень требует новых связей. По рукам?

– Я не против. Выспаться бы...

– Видишь, как удачно, – Клим буквально расплывается от удовольствия. – Чтобы хорошо работать, надо хорошо отдыхать. Главный принцип менеджера, не при Сталине, слава богу, живём. Тогда говорю Ларисе, чтобы вызвала машину. Ещё кофе?

– Нет, спасибо. Мне в приёмной подождать?

– Если не в обиде, Володя. У меня, понимаешь, время по минутам расписано. С каждым ведь подробно надо проблемы обсудить.

– Понимаю, – я поднимаюсь со стула. – Ты мне сам позво-

нишь?

– Дня через два по поводу ужина с людьми. Да, вот что хотел тебя спросить. Ты ведь в Афганистане срочную проходил?

– В восемьдесят четвёртом году. В городе Хост. Во взводе охраны передвижного госпиталя.

– И попал в плен к душманам?

– По ранению, – я спокойно смотрю на Клима. – Был без сознания. Через полгода обменяли по линии Красного Креста. Есть проблемы? Из меня особисты тогда всю душу вымотали, месяц в фильтрационном пункте торчал. У них претензий не было, иначе как бы я в институт поступил и в налоговой потом работал.

– Нет-нет, – выражение лица Клима меняется в очередной раз, теперь в нём появляется нечто хищническое. – Просто фээсбэшники на этот момент указали. На войне всякое случается, не приведи господь, конечно, оказаться. К тебе полное доверие, не волнуйся.

– А я и не волнуюсь. Ну, что, я пошёл?

– Иди, конечно, – Клим смотрит не на меня, а на монитор компьютера. – Машина должна подъехать. Я тебе позвоню, как договорились.

– Рад был увидеть, – прощаюсь я и выхожу в приёмную к сиястой Ларисе...

Хорошо здесь. Я выглянул в окно. Выпавший за ночь снег запылил поляну перед коттеджем и повис хлопьями

на соснах. Тихо, спокойно, почти как у меня в Грачах. На месте дедовской халупы я достраиваю дом, большой, просторный, с камином и бильярдом на втором этаже. Далековато, конечно, полсотни вёрст от города, по нашим челябинским меркам у чёрта на куличках, в общем, не престижное место, зато воздух – не надышишься, до Аргазинского водохранилища рукой подать. Дикая места, я такие люблю, и народ местный приветливый, кто не спился, тот работающий. К следующему Новому Году закончу, Катюнька с мужем приедут в гости, надо снегоходы купить, не очень скоростные, а то ещё разобьёшься по неопытности.

Бриться не буду, я провёл ладонью по щеке. В конце концов, я в отпуске. Душ приму, прогуляюсь в центральный корпус на завтрак и снова спать, ничего не хочу, только отсыпаться. Клим, суслик, вокруг меня круги нарезает, даже смешно, кто он и кто я. С другой стороны, этим московским выскочкам опора в регионах ой как нужна. В нашей челябинской глуши дела вертеть куда проще, чем в столице. Я в этом смысле человек нормальный, в голимую авантюру не полезу, но от лишней копейки, в рамках закона и порядка, не откажусь. У нас ведь как: не подмажешь, не поедешь, главное, верного направления придерживаться.

В зале пансионатского ресторана пустынно. Постоянные проживальцы отзавтракали, будний день, на выходные, наверное, отдыхающих больше приедет. Я разглядываю аляповатую лепнину, украшающую потолок. Это же сколько де-

нег надо, за государев счёт такую махину содержать. Не считая восьмиэтажного центрального корпуса, коттеджей штук тридцать на территории, а сколько человек в обслуживании работает. Несколько сотен, не меньше. Москва, все финансы здесь, мешками считают, где порвалось, особого внимания не обращают.

– Кофе у вас отменный, – я кокетничаю с миловидной официанткой. – Давайте-ка ещё чашку «капучино».

– Новый аппарат на днях поставили, – приветливо отзывается официантка. – Итальянский. Коньячка не желаете для бодрости духа?

– Нет, спасибо. Я как англичанин, до пяти вечера ни капли.

Ослепительно чистый снег поскрипывает под ботинками. Я закуриваю и смотрю на пасмурное февральское небо. Солнышка не хватает, скорей бы весна. По дорожке навстречу мне медленно приближается фигура в тёмной норковой шубе и вязаном капоре поверх пухового платка. Я присматриваюсь. Старуха, много за семьдесят, лицо, истрёпанное жизнью словно мочёное яблоко. Заслуженная бабушка, автоматически отмечаю я про себя, простые сюда никак попасть не могут. Старуха останавливается напротив и внимательно смотрит на меня.

– Живой, значит, – вдруг произносит она. – Значит, живой, ефрейтор Овчинников.

Я слатываю слюну и будто проваливаюсь в прошлое.

Имя у неё редкое – Агния, как у детской писательницы. Больше ничего общего. Глаза жёсткие, характер стальной, едва взглянет, непроизвольно по стойке «смирно» вытягиваешься. Подполковник медицинской службы Агния Николаевна Козырева, начальник передвижного армейского госпиталя. Сорок два года, красивая, высокая, недоступная, я таких раньше только в кино видел. Матом иногда так кроет, у нас на Тракторозаводском повторить не сумеют. Наш взводный старлей Пантыкин ляпнул ей раз не по уставу, она его в сторонку отвела, он потом неделю красный как рак ходил, на нас орал как Бармалей по любому поводу. Королева, военный хирург, по ночам всему взводу снится.

Она сейчас за хлипкой стенкой глинобитного дувала, отдыхает. Я в соседней комнате, в полном снаряжении, у открытой низкой двери, выходящей на единственную кривую улочку мёртвого кишлака. Пост номер один, охраняю начальство.

Неделю назад наш госпиталь перебросили из Хоста в тыл войсковой группы, наступающей на Панджшерское ущелье. До этого безлюдного кишлака дошли конвоем, спокойно, в сопровождении танковой роты. В пункте назначения «слоны» с нами попрощались и двинулись дальше, на Парван. Там жарко, раненые говорят, что наших много гибнет, раненых каждый день привозят, за самыми тяжёлыми ночью прилетает «вертушка».

Агния почти не спит, скулы на лице заострились, я слы-

шал случайно, как она ругалась по рации с командованием: «Парни все во взводе охраны необстрелянные, включая командира. Пришлите подкрепление, единственный госпиталь вблизи полосы боевых действий». Что ей ответили, из-за помех в эфире я не расслышал.

Не бойсь, красавица, я поглаживаю ствольную коробку калаша, мы ребята крепкие, хоть в деле пока не были. Нас в Термезе в учебке как сидоровых коз гоняли, думали, сдохнем в этой жаре и в этой пыли. Но ничего, выжили, худые все как черти, выносливые. Пацаны нормальные во взводе подобрались, уральский призыв, из моего родного Челябинска, из Ёбурга, из Оренбурга. Взводный, старлей Пантыкин, из Новособа, сибиряк, здоровый как лом, на турнике двадцать раз «колесо» крутит без передышки. Я представляю, как срываю с клумбы на площади Революции цветы и кладу Агнии на подушку. Не переживайте, товарищ начальник госпиталя, мы вас в обиду не дадим.

Когда в этот кишлак вошли, ни души не было, даже кошек с собаками. Тишина оглушающая, хотя по всему видно, что люди совсем недавно жили. У бабаев сарафанное радио лучше войсковой связи работает, будто сквозь землю проваливаются при нашем приближении. Я смотрю на часы, светает, шестой час, в восемь меня сменят.

Я очухиваюсь от грохота в голове. Огромные валуны катятся от висков к переносице и обратно. Боли нет, только страшная тяжесть давит на шею. Надо мной зияет дыра в по-

ду, значит, от взрыва меня сбросило в погреб. Издалека, словно через вату, доносятся звуки боя в кишлаке.

– Ефрейтор, ты живой?

Я медленно поворачиваюсь на правый бок, валуны скатываются к глазницам и немилосердно давят. Агния полусидит на трухлявом мешке, в ладони сжат ПМ.

– Ты живой? – повторяет она. – Где твой автомат?

– Не знаю, – я плохо соображаю. – Наверху, наверное, остался.

– Встать можешь? – говорит она. – Я ногу сломала. Тебя как зовут?

– Ефрейтор Овчинников. Володя Овчинников. Сейчас встану.

– Вот что, Володя Овчинников, – говорит Агния. – Вылезай наверх, находи наших. Похоже, нас «самоварами» накрыли. Если никого живых нет, проберись в госпитальную «буханку», в ней резервная «Ангара». Выходи в эфир, запрашивай «вертушки». Возьми, – она протягивает мне пистолет.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Валуны откатываются к затылку и пытаются утащить обратно на землю. Покачиваясь, я беру ПМ:

– Вы не выходите отсюда никуда, товарищ подполковник.

– Да я и не смогу, – Агния, морщась, потирает правую ногу. – Два перелома.

Я выбираюсь в останки домика. Стрельбы не слышно, сгорбившись, я выхожу на кривую улицу. От кишлака оста-

лось одно название. Точно, миномётным залпом накрыли, думаю я, и вдруг слышу за спиной: «Бонасейра, земляк!»

Я поворачиваюсь. Передо мной лыбится белобрысый парень с редкой бородкой, одетый зачем-то в шоли и пуштунку.

«На, сука советская!» – он бьёт меня прикладом автоматической винтовки прямо в «бронетюфяк».

Я сижу на земле, прислонившись к колодцу. Запястья стянуты за спиной моим же ремнем. Во рту солёный привкус крови. Валуны больше не катаются по голове, рассеивающимся, мутным взглядом я вижу в нескольких метрах Агнию. Она голая лежит на подушках на кошме, руки привязаны к колесу арбы, рот забит кляпом. Рядом с ней белобрысый и несколько «духов».

– Кусается, тварь! – ржёт белобрысый. – Но мы кобылку объездили. Что, ефрейтор, нравится пизда?

Один из «духов» спускает шаровары и залезает на Агнию. Я вижу её глаза, усталые, равнодушные, немигающие.

Белобрысый подходит, присаживается на корточки и растёгивает ширинку на моей камуфляжке. «А карачун у воина встал!» – хохочет он и говорит что-то по-афгански «духам». Те одобрительно цокают.

Белобрысый с силой сжимает пальцами мой член.

– Короче, ефрейтор! – он достает армейский нож. – Если не влупишь красотке, я тебе хуй отрежу.

Двое «духов» поднимают меня за подмышки и кладут

на Агнию. Белобрысый оттягивает за волосы голову: «В глаза ей смотри, сука!» Он пинает меня ногой: «Вперёд, Каза- нова!»

«Живой, ефрейтор Володя Овчинников», – говорит старуха и медленно уходит прочь по присыпанной снегом дорожке.

Я тупо изучаю миниатюрную бутылочку виски. Сколько сейчас время? Я смотрю на наручные часы. Начало пятого. Дня или ночи? Я включаю телевизор, показывают дебильный сериал про честных и принципиальных ментов. Значит, дня. Минибар опустошён. Где здесь магазин? Наверное, выпивку можно заказать через румсервис. Через три месяца день рождения, четырнадцатого мая, пятьдесят пять лет. Что, жизнь закончилась, Владимир Петрович?

Я очень хорошо помню ишака. «Духи» привезли на нём складной миномёт, миномёт сгрузили, поперек седла положили ничего не соображающую Агнию. Ишак бредёт по разбомблённому кишлаку, я плетусь сзади, привязанный верёвкой. Везде трупы наших, старлея Пантыкина разорвало на две неровные части, голова без левого уха склонилась на окровавленную грудь, словно взводный решил вздремнуть.

У перевязочной палатки на земле сидят те, кто живые. В основном из раненых, человек пятнадцать. Агнию стаскивают с ишака и бросают к ним. Один из наших снимает нательную рубаху и накрывает её. Белобрысый бьёт меня при-

кладом в спину, я падаю на колени и упираюсь носом в воющую жопу животного.

Да, мне было страшно, дико страшно, как никогда больше в жизни. Только что доставленная официантом бутылка водки подмигивает мне. Я свинчиваю пробку и делаю глоток. Я разве виноват, что родился в стране, хозяева которой отправили девятнадцатилетних сопляков воевать со зверями. Кому стало бы лучше, если бы меня тоже тогда расстреляли? Кому? Моей будущей жене или моей будущей дочери?

Я ползу на четвереньках за белобрысым, он веселится и поддёргивает аркан так, что я едва не задыхаюсь. Раненые молча смотрят на меня. Агния очнулась, в её глазах я вижу стеклянный мост, который рушится под грохотом валунов.

Но это же несправедливо, говорю я водочной бутылке. Я совершил страшный грех в юности, но всю свою жизнь я честно работал, я хороший муж, достойный отец, я искренний патриот своей страны не как какой-нибудь продажный Клим. Я очень хотел жить, и мне не оставили выбора. И что теперь, всё коту под хвост?

«Духи» подогнали взводный «уазик», на его корме ПКМ. Белобрысый мочится на колесо. «Вопрос древнегреческих трагедий, ефрейтор, – буднично говорит он. – Или ты, или тебя». За шкирку он подтаскивает меня к пулемёту, его нож упирается в затылок.

«Стреляй, сука, – шепчет в ухо белобрысый. – Или пиздец тебе».

Я смотрю в глаза Агнии и нажимаю гашетку.

Когда меня арестуют? Апатия жалкой амёбой овладевает мною. Сегодня вечером или завтра утром? Завтра, в ФСБ своя бюрократия. Я, конечно, ни в чём не признаюсь, но всё равно это конец. Отвернутся все, будто я наших людей не знаю. Поговорить с Агнией? Упасть на колени, умолять о милосердии. Простите-извините, каюсь, меня заставили. Бесплезно. Она старуха, живой труп, одной ногой в могиле и меня хочет за собой утащить. Почему она тогда не умерла?

Я смотрю на телефон. Несколько не отвеченных вызовов, один от жены, другие с работы. Странно, я не слышал звонков. Ладно, теперь это всё не важно. Что же делать?

Стук в дверь. Я вздыхаю. Ну, да, она же не простая бабушка, раз здесь живёт, позвонила сразу наверх, вот сразу за мной и выехали. Я отхлебываю водки и открываю.

– Здравствуйте, – на пороге стоит женщина лет сорока пяти в скромном синем пальто. – Меня зовут Карина. Я сиделка Агнии Николаевны Козыревой.

– Проходите, – я показываю жестом на диван у журнального столика. – Чем обязан?

– Вы зря пьёте, – Карина бесцеремонно взбалтывает бутылку водки. – У нас мало времени и много надо обсудить.

– Тебе какое дело, – я демонстративно наливаю полный фужер. – Карина. Хохлушка?

– Русская. Из Харькова. Выпейте это, – она кладёт на стол белую таблетку.

– Отравить меня решила, – я откидываюсь на спинку кресла. – Не дождёшься, русская хохлушка из Харькова.

– Это лекарство, – невозмутимо произносит Карина. – Помогает быстро протрезветь. У нас действительно очень мало времени.

– Чего тебе надо от меня? – спрашиваю я, но всё же проглатываю таблетку.

– Старуха мне всё рассказала. Сказала, что единственная чудом выжила, «вертушки» через несколько часов после вашего ухода прилетели. Ещё сказала, что надеялась с тобой поquitаться на том свете за себя и за всех расстрелянных. Ещё сказала, что бог точно есть, раз тебя при жизни снова встретила. Собиралась куда надо позвонить, я еле уговорила до утра отложить.

– Зачем? – хрипло спрашиваю я.

– Не жилец она, – сказала Карина. – Только на уколах и держится. Не зря её дети сюда спровадили. Столько в её жизни всего было, другие давно бы уже на кладбище лежали. Я ей сказала, никуда он теперь не денется, этот Володя Овчинников, а вам передохнуть лучше, вижу, как разнервничались, допрос будет, показания надо давать, поспите спокойно ночь, а утром и позвоним. И снотворное дала, чтобы крепче спалось. Она мне верит, я медсестра хорошая.

– И... – я смотрю в глаза Карины и не вижу в них ничего, никакого намёка.

– Что мне эта старуха? – зло говорит Карина. – Она мне

никто. Да и по совести говоря, отжила она уже своё. Мне её детки двадцать тысяч «деревянных» в месяц платят и крутись как хочешь, комнату в «хрущёвке» снимай. Не разгуляешься-то на двадцатку. А то, что у меня дочь инвалид с детства, в Харькове с престарелой бабкой живёт, кого это колышет. Три года работаю сиделкой, хоть бы раз её детки сволочи премию заплатили. Нет, только звонят раз в неделю: «Как там наша мамочка, как у неё настроение?» Так что мне, Володя Овчинников, никакого прока, чтобы ты в тюрьму сел, нет.

– Что ты хочешь? – говорю я.

– Пятьдесят тысяч долларов. Коттедж номер восемнадцать. Дверь на террасу приоткрыта. Зайдёшь и задушишь подушкой. Вот медицинские перчатки, чтобы отпечатков пальцев не осталось. Тебе повезло, Володя Овчинников, у меня завтра выходной, я накануне вечером всегда в Москву уезжаю, в пансионате все знают, что старуха раз в неделю одна ночует.

– У меня нет таких денег.

– Найдёшь, – Карина закуривает сигарету. – Никуда ты теперь не денешься.

– Где я в ночи такие деньги найду? – возмущаюсь я.

– Я подожду, – Карина с усмешкой смотрит на меня. – День, два, три. Сколько надо подожду. Только недолго. Захочешь кинуть, анонимку отправлю в ФСБ. Вот тогда ты вернешься как уж на сковородке. Ты ведь дядя, как я пони-

маю, не простой, не слесарем на заводе работаешь.

– Она точно крепко спит? – я кладу медицинские перчатки в карман.

– Точнее некуда. Имей в виду, у старухи бывают приступы удушья. Так что постарайся действовать аккуратно, чтобы повреждений на лице не осталось. Может, и сойдёт за естественную смерть.

– Я постараюсь, – голова начинает ныть от напряжения. – Ты не волнуйся, я тебя не кину. Мне просто действительно время понадобится такую сумму собрать.

– Я тебе верю, – говорит Карина. – Тебе деваться некуда. Руки-то чего ходуном ходят, водки, что ли, выпейте, Владимир Петрович, для храбрости. Если требуется оправдание, то оно очень простое: не мы такие, это жизнь такая. Сам знаешь, всем на нас насрать.

– Да уж, жизнь, – я выпиваю залпом полный фужер. – Меня эта жизнь с девятнадцати лет преследует...

xxxxxxxxxxxxxxxx

В десятом классе у меня появился приятель, возрастом чуть старше, Вася Казухин, первокурсник мединститута. Я тогда начинал покуривать, подошёл к нему возле магазина: «Пацан, купи „Стюардессу“, а то с меня паспорт требуют». Он купил, разговорились, потом у него в общаге с другими пацанами портвейна выпили, БГ послушали, Майкла, свердловских ребят. Мне нравилась эта общажная жизнь, весёлая, циничная (будущие врачи как-никак), взрослая. Вася меня

в больничный морг и притащил, он туда на подработку ночным сторожем устроился. Я рассматривал трупы, расчленённые для демонстрации на лекциях, только что зашитые после аварий и вскрытия, тела утопленников, синие и распухшие, с таким интересом и хладнокровием, что Вася только диву давался: «Д, брат, быть тебе или врачом или профессиональным убийцей». Эх, Вася Казухин, где ты сейчас, как твоя жизнь сложилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.